

Диана Вечорек

Корневые алломорфы имён существительных женского рода в современном русском языке

Studia Rossica Posnaniensia 1, 147-158

1970

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ИАНА ВЕЧОРЕК

Вроцлав

КОРНЕВЫЕ АЛЛОМОРФЫ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Цель настоящей статьи — показать основные качественные и количественные изменения, которые претерпевают в речевой цепи корневые морфемы непроеизводных имён существительных женского рода в парадигматических и словообразовательных рядах¹. Видоизменения одной и той же морфемы должны рассматриваться на морфонематическом уровне, который некоторые лингвисты путают с уровнем фонологическим. Чисто фонологическое исследование предусматривает установление реального состава фонем данного языка и их систематику, что является процессом металингвистическим. Так, установление самостоятельности фонем /a/, /o/ в парах русских слов: дач-дочь, кашка-кóшка является вопросом сугубо фонологическим, различные же звуковые облики морфемы [doč], [dǎč], [dʌč] (дочь, доч-ерей, доч-урка)² принадлежат уровню морфонематическому, рассматриваемому кратчайшие звуковые единицы языка как элементы морфемы³. Факт неразграничения этих уровней может быть объяснён наличием между ними изоморфизма, то есть параллелизма структуры их единиц⁴. Схематически это можно представить сле-

¹ Мы исходим, во-первых, из имён существительных женского рода с непроеизводной основой, во-вторых, из существительных женского рода, образованных от вышеуказанных, например: глав-á, голов-á и голóв-ка, голóв-ушка, голов-éшка, голов-ízна, голов-ня́. Под непроеизводностью основы мы понимаем не только её морфологическую нечленимость, но и то, что она не является образованной от основы другой части речи. Не берутся нами во внимание сложные имена существительные женского рода, в состав которых входит интересующая нас корневая морфема, например: головóлка, головóйка. В своих рассуждениях мы опирались на формы, зафиксированные в *Словаре русского языка* С. И. Ожегова, Изд-во Иностран. и Национальных Словарей, Москва 1963. В процессе морфологического деления слова мы обращались за справками в *Школьный словообразовательный словарь* З. А. Потихи, Изд-во „Просвещение“, Москва 1964.

² Фонетическая транскрипция даётся по учебнику А. Mirowicz, *Gramatyka opisowa języka rosyjskiego*. Cz. I, wyd. II, Warszawa 1965.

³ Определение термина взято из *Словаря лингвистических терминов* О. С. Ахмановой, Изд-во „Советская Энциклопедия“, Москва 1963.

⁴ Понятие изоморфизма ввёл в языковедение (за Ельмслевом) проф. Е. Курилович, см. *Alofony i alomorfy*, Biuletyn PTJ, zeszyt 18. О лингвистической интерпретации изоморфизма см. статью Э. А. Макаева *К вопросу о изоморфизме*, ВЯ, 1961, N 5 стр. 50 - 56.

дующим образом:

1. фонологический уровень	2. морфонологический уровень
звук	индивидуальная морфема
аллофон	алломорф
фонема	языковая морфема

Исходным пунктом уровня 1. является звук (как субстанция фонемы плюс сопутствующие признаки). Фонема может иметь свои разновидности, то есть фонологически обусловленные варианты, которые мы будем называть аллофонами. Например, фонема /e/ лексической морфемы [s't'érI'ət'] (стерлядь) выступает в своих вариантах ((è)), ((é)) в формах: [s't'érI'át], [s't'érI'éd'] (стерля́д-ка, стерля́д-éй). Аналогично дело обстоит на уровне 2., где в морфемах индивидуальных реализуются разновидности одной и той же языковой морфемы. Языковая морфема (как и фонема) имеет свои, обусловленные определёнными факторами варианты, то есть алломорфы⁵. Формы [s't'érI'át], [s't'érI'éd'] являются алломорфами морфемы [s't'érI'ət']. Из сказанного можно сделать вывод, что:

звук	индивидуальная морфема
фонема	языковая морфема

то есть аллофон на уровне 1. соответствует алломорфу на уровне 2. Это соответствие может быть причиной того, что некоторые языковеды относят к фонетике, а не к морфонологии нетождество морфем, заключающееся в чисто произносительной стороне. Например, в формах: [kɔf'], [kɔv'] (кровь, в кров-и́) фонетику должны интересовать фонемы (o), (v'), которые чередуются со своими аллофонами ((Λ)), ((f')). Сами же формы в целом — конкретные манифестации морфемы [kɔf'], поэтому они не могут рассматриваться в чисто фонологическом плане, а должны быть предоставлены морфонологии.

2. Являясь единицей высшего порядка, морфема, по сравнению с фонемой, имеет гораздо большую степень вариативности. Алломорфы зависят от присутствия в их составе не только разных фонем, но и аллофонов, они „образуются либо заменой одних фонем другими, либо чередованием аллофонов”⁶, могут иметь место и оба способа одновременно: [kɔɫx], [kɔɫx'], [kɔś] (крох-á, крох-é, кро́ш-ка). Алломорфы, возникшие в результате субституции фонем (фонологические алломорфы), напр., [ɣuk], [ɣúč] (рук-á, рúч-ка), [nɔg] [nóš]

⁵ В отличие от Р. И. Аванесова, который под вариантами одной и той же морфемы понимает „варианты в той или иной мере существенные для грамматики и лексикологии и необусловленные позицией с точки зрения закономерностей звуковой системы в её современном состоянии”, у нас вариант морфемы (алломорф) — это всякая фонетическая разновидность морфемы, сохраняющая значение этой морфемы.

⁶ M. Adamus, *Dekodacja fonologiczna* (Фонологическая декодация). Acta Universitatis Wratislaviensis No 45. Germanica Wratislaviensia X. Wrocław 1966, s. 13.

(ног-á, нож-ка), [pl'et'], [pl'ót] (плеть, плёт-ка) с синхронной точки зрения ничем не обусловлены, их мы констатируем как существующий в современном языке факт, который, по мнению многих языковедов, и является основной задачей морфонологии⁷. Алломорфы, возникшие благодаря чередованию аллофонов (фонетические алломорфы), напр., [g'èk], [g'èk'] (рек-á, рек-é), [gəlɫv], [gɫɫɔf] (голов-á, голов) обусловлены: местом словесного ударения⁸ (в связи с этим редукцией вокализма) и таким лингвистическим окружением, где вследствие действия фонетических законов варьируются согласные фонемы. Алломорфы фонологические и фонетические мы назовём комбинаторными (уровень нормы) в отличие от факультативных (уровень речи), напр., [g'èk] [g'èk'] (рёк-у, рек-ý), [góš'č], [góš'š'] (рощ-а).

3. В данной статье мы ограничимся кратким обзором комбинаторных алломорфов. Имея в виду только комбинаторные алломорфы, можно отметить, что лексические морфемы имён существительных женского рода располагают очень разнообразным их количеством. Если какая-нибудь языковая морфема представлена только одной индивидуальной морфемой, то эта индивидуальная морфема считается единственным алломорфом данной языковой морфемы. В качестве примеров одноалломорфных морфем можно привести следующие: 1. [duš] (душ-á), 2. [n'án'] (нян-я), 3. [muš] (мышь). Эти корневые морфемы, как и все одноалломорфные, при словоизменении и словообразовании не изменяют своего фонологического облика по следующим причинам: устойчивость ударения (2), отсутствие редукции при подвижности ударения (1, 3), отсутствие чередований конечных согласных (1, 2, 3).

Корневых морфем, реализованных одним алломорфом, в русском языке сравнительно мало. Это объясняется широким диапазоном действий фонетических законов, которые являются основной причиной звуковой дифференциации морфем. Подавляющее большинство корневых морфем существительных женского рода представлено двумя, тремя и четырьмя алломорфами. Двуалломорфные морфемы:

[kɫɫɔf'ín] (кал'ин-а), [n'ít'] (нить),
 [kɫɫɔf'ín'] (кал'ин-е); [n'ít] (н'ит-ка);
 [k'is't'] (кость),
 [k'íst] (к'ист-очка)⁹.

⁷ См. статью А. А. Реформатского *О соотношении фонетики и грамматики* (морфонологии), сб. „Вопросы грамматического строя”, Изд-во АН СССР, Москва 1955, стр. 106 - 112.

⁸ „Ударение в современном русском языке занимает господствующее положение в системе морфонологических единиц (в отличие, например, от польского, где главенствующая роль в морфонологической системе принадлежит альтернациям согласных (см. *Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка*, Изд-во „Наука”, Москва 1966, стр. 23.

⁹ Если при словоизменении и словообразовании какое-нибудь существительное сохраняет один и тот же звуковой облик корневой морфемы в нескольких формах, то в качестве примера мы приводим одну из этих форм.

Трёхалломорфные морфемы:

[rýb]	(ры́б-а),	[múx]	(му́х-а),
[rýbʹ]	(ры́б-е),	[múxʹ]	(му́х-и),
[gur]	(рыб);	[múš]	(му́ш-ка);
	[roš]	(рожь),	
	[róž]	(ро́жь-ю),	
	[rž]	(рж-и).	

Четырёхалломорфные морфемы:

[sʌbák]	(соба́к-а),	[zvʹèzd]	(звезд-а́),
[sʌbákʹ]	(соба́к-е),	[zvʹèzʹdʹ]	(звезд-é),
[sʌbáč]	(соба́ч-ка),	[zvʹózd]	(звёзд-ы),
[səbʌč]	(собач-о́нка);	[zvʹóst]	(звёзд);
	[gʌr]	(гор-а́),	
	[gʌrʹ]	(гор-é),	
	[gər]	(по́д гор-у),	
	[gór]	(го́р-у).	

Количество морфем, варьирующихся пять раз и более (верхняя граница, отмеченная нами, равняется десяти алломорфам), очень ограничено ¹⁰.

Пятиалломорфные морфемы:

[sʌx]	(сох-а́),	[vʌd]	(вод-а́),
[sʌxʹ]	(сох-и́),	[vʌdʹ]	(вод-é),
[sóxʹ]	(со́х-и),	[vəd]	(по́ вод-у)
[sox]	(сох),	[vód]	(во́д-ы),
[soš]	(со́ш-ка);	[vot]	(вод);
	[bumág]	(бума́г-а),	
	[bumágʹ]	(бума́г-е),	
	[bumák]	(бума́г),	
	[bumáš]	(бума́ж-ка),	
	[bumʌž]	(бумаж-о́нка)	

Шестиалломорфные морфемы:

[dʌsk]	(доск-а́),	[lótʌk]	(ло́дк-а),
[dʌskʹ]	(доск-и́),	[lótʌkʹ]	(ло́дк-и),
[dósk]	(до́ск-у),	[lódəʌk]	(ло́док),
[dóskʹ]	(до́ск-и),	[lódəč]	(ло́доч-ка),
[dʌsóʌk]	(досо́к),	[lʌtč]	(лодч-о́нка),
[dʌšʹč]	(дош-éчка).	[lʌdʹ]	(ладь-я́).

¹⁰ „В этом выборе достаточно ограниченного количества конститутивных единиц каж-
дого уровня и типичных отношений между ними нельзя не видеть проявления принципа
языковой экономии, в силу которого язык с такими успехом выполняет свою коммуника-
тивную функцию”, см. Э. А. Макаев, там же, стр. 53.

Семиалломорфная морфема:

[r'ɛk] (рек-á),
 [r'ɛk'] (рек-í),
 [r'ɛk] (рэк-у),
 [rək] (зá рек-у),
 [r'ɛk'] (рэк-и),
 [r'ɛč] (реч-ка),
 [r'ɛč] (реч-ушка).

Корневых морфем имён существительных женского рода, видоизменяющихся восемь и девять раз, мы не обнаружили.

Десятиалломорфные морфемы:

[nʌg] (ног-á),	[gəlʌv] (голов-á),
[nʌg'] (ног-í),	[gəlʌv'] (голов-é),
[nóg] (нóг-у),	[góləv] (гóлов-у),
[nəg] (зá ног-у),	[gələv] (нá голов-у),
[nóg'] (нóг-и),	[gʌlóf] (голóв),
[nəg'] (зá ноги),	[gʌlón] (голóв-ушка),
[nok] (ног),	[glʌv] (глав-á),
[nóš] (нóж-ка),	[glʌv'] (глав-é),
[nʌž] (нож-óнка),	[gláv] (гла́в-ы),
[nóz] (нóж-енька);	[glaf] (глав).

Наибольшую количественную нагрузку имеют трёхалломорфные корневые морфемы, которые численно немногим превышают двуалломорфные, в связи с этим двуалломорфные и трёхалломорфные корневые морфемы имён существительных женского рода можно считать наиболее типичными для современного русского языка.

Говоря о возможности морфем видоизменяться, следует подчеркнуть некоторую закономерность: чем больше алломорфов имеют морфемы, тем меньше количество этих морфем.

4. Перейдём теперь к основным качественным изменениям, которые наблюдаются в комбинаторных алломорфах. Ещё Н. С. Трубецкой, первым введя в языковедение понятие морфонологии, в качестве её основной и универсальной задачи назвал изучение фонологической структуры морфем. И в настоящее время языковеды подчёркивают правильность мнения Н. С. Трубецкого¹¹. А. А. Реформатский, уточняя предмет морфонологии, считает, что в её ведении должны быть только фонологические алломорфы, то есть вариан-

¹¹ „Первая задача морфонологии: анализ фонематического состава морфем как аффиксальных, так и корневых в их сравнении не вызывает сомнения, действительно, различие состава фонем в разных морфемах вещь неоспоримая”. См. А. А. Реформатский, там же, стр. 101.

ты морфем, обусловленные так называемыми традиционными альтернативами (историческими чередованиями)¹². Нам правильным представляется мнение, что для полного описания морфем необходима их очень конкретная фонологическая характеристика с учётом не только чередования в них фонем, но и аллофонов¹³, тем более, что „морфонология рассматривает морфемы не как инварианты, то есть не в отвлечении от тех конкретных вариантов или морф, в виде которых они только и могут реально воспроизводиться в речи, а как конкретные единицы сообщения, представленные своими соответствующими вариантами на фонематическом уровне”¹⁴.

Представляем ряды чередующихся элементов, которыми могут характеризоваться все алломорфы, принадлежащие к одной и той же корневой морфеме:

o : Λ	[lóz] : [lAz]	[rós] : [rAs]	[tróp] : [trAp]
	(лóz-ы : лоз-á,	рós-ы : рос-á,	трóp-ы : троп-á)
o : ↑	[igól] : [ig]	[ikór] : [ikr]	[k'išók] : [k'išk]
	(игól-ка : игл-á,	икór-ка : икр-á,	кишók : кишк-á)
o : Λ : ə	[nok] : [nΛg] : [nəg]	[gor] : [gΛr] : [gər]	
	(ног : ног-á : zá ног-у,	гор : гор-á : zá гор-у)	
o : Λ : ə : ↑	[góləv] : [gAlóf] : [gəlAv] : [glAv]		
	(гóлов-у : голóв : голов-á : глав-á,		
	[bórəd] : [bΛrót] : [bərAd] : [brAd]		
	бóрод-у : борóд : бород-á : брад-á)		
o : a : Λ : ə	[gAlóf] : [gláv] : [gəlAv] : [góləv]		
	(голóв : глáv-ы : голов-á : гóлов-ы)		
o : è	[š'čók] : [š'ček]	[zv'óst] : [zv'èzd]	[v'órst] : [v'èrst]
	(щёк : щек-á,	звёзд : звезд-á,	вёрст : верст-á)

¹² „Таким образом, само по себе рассмотрение фонем не может быть ещё признаком того, что это факт фонетики или морфологии: если анализ неизбежно включает понятие позиции, то это факт фонетики, если так же неизбежно исключает — это факт морфологии. Пограничная полоса между фонетикой и морфологией, когда позиции устранены, а факты ещё не обладают значимостью, может быть предоставлена морфологии”. А. А. Реформатский, там же, стр. 112.

¹³ „Из того, что в действительности фонемы могут иметь варианты, а морфемы — чередующиеся фонемы, следует, что полное описание этих единиц может быть дано только в совокупности. Для полного описания фонем необходимо показать их варианты в морфемах, а для полного описания морфем необходимо показать, как в них чередуются фонемы и их варианты”, см. Ю. С. Степанов *Основы языкознания*, Изд-во „Просвещение”, Москва 1966, стр. 39.

¹⁴ О. С. Ахманова, *Фонология, морфонология, морфология*. Изд-во Моск. Унив. 1966, стр. 52.

o : è : ð	[žy ^ə l'ós] : [žəl'éz] : [žél'əz] (желёз : желез-á : жéлез-ы)
o : ə : ↑	[sAs'ón] : [sós'ən] : [sAsn] (сосён-ка : сóсен-ка : сосн-á)
a : ə	[mat'] : [mət'] (мать : мат-ерéй)
a : Λ	[báb] : [bAb'] [vlas't'] : [vlAs't'] [bumák] : [bumΛž] (бáб-а : баб-ёнка, власть : власт-éй, бумáг : бумаж-óнка)
a : è	[gr'ád] : [gr'əd] [p'át] : [p'èt] (грýд-ы : гряд-á, пýт-ы : пят-á)
a : è : ð	[s't'èrl'át] : [s't'ərl'əd'] : [s't'érI'ət'] (стерлýд-ка : стерляд-éй : стéрлядь)
Λ : ə	[kΛnúr] : [kənur] [sAbák] : [səbΛč] (конýр : конур-á, собáк-а : собач-óнка)
ə : ↑	[gálək] : [gálk] [vódəč] : [vótk] (гáлок : галк-а, вóдоч-ка : вóдж-а)
e : o	[pl'ét'] : [pl'ót] [jél'] : [jól] [šérs't'] : [šórst] (плеть : плёт-ка, ель : ёл-ка, шерсть : шёрст-ка)
e : è	[s't'én] : [s't'èn] [sv'éč] : [sv'éč] [v'és'č] : [v'és'č] (стén-ы : стен-á, свéч-и : свеч-á, вещь : вещ-éй)
e : ↑	[Λv'éc] : [Λfc] (овéц : овц-á)
e : è : ð	[r'ék] : [r'èk] : [r'ək] (рék-у : рек-á : зá рек-у)
ə : ↑	[cáp'əl'] : [cápl'] [sáb'əl'] : [sábl'] (цáпель : цáпл-я, сáбель : сáбл-я)
i : y	[ív] : [ýv] [igl] : [ygl] (ýв-а : под ýв-ой, игл-á : с игл-óй)
t' : t чередование мягкости-твёрдости	[t'ót'] : [t'ót] [kl'ét'] : [klèt] [láp] : [láp'] (тёт-я : тёт-ка, клеть : клет-ýшка, лáп-а : лáп-е)
t : d чередование глухости-звонкости	[júpk] : [júbəč] [króf] : [krón'] (ýбк-а : ýбоч-ка, кровь : крów-и)
b : b' : p	[ryb] : [ryb'] : [ryp] [izb] : [izb'] : [isp] (рýб-а : рýб-е : рыб, ивб-á : изб-é : изб)

v : v' : f	[búkʋ] : [búkʋ'] : [búkʃ]	[sl'ív] : [sl'ív'] : [sl'íf]
	(бúкв-а : бúкв-е : букв,	слíв-а : слíв-е : слив)
g : g' : k	[v'júg] : [v'júg'] : [v'júk]	[ívətɡ] : [ívəlg'] : [ívələk]
	(вьúг-а : вьúг-е : вьюг,	йво́лг-а : йво́лг-е : йво́лог)
d : d' : t	[právd] : [právd'] : [práft]	[vʌd] : [vʌd'] : [vót]
	(п ráвд-а : п ráвд-е : правд,	вод-á : вод-é : вод)
z : z' : s	[b'èr'óz] : [b'èr'óz'] : [b'èr'ós]	[váʒ] : [v'áz'] : [vás]
	(берèз-а : берèз-е : берèз,	ва́з-а : ва́з-е : ваз)
g : g' : k : ž : š	[nʌg] : [nʌg'] : [nók] : [nʌʒ] : [nóš]	
	(ног-á : ног-é : ног : нож-óнка : нож-ка,	
	[dʌróg] : [dʌróg'] : [dʌrók] : [dʌróz] : [dʌrós]	
	дорóг-а : дорóг-е : дорóг : дорóж-енька : дорóж-ка)	
k : k' : č	[ruk] : [ruk'] : [rúč]	[r'èk] : [r'èk'] : [r'èč]
	(рук-á : рук-é : рúч-ка,	рек-á : рек-é : рéч-ка)
s't' : st	[p'ás't'] : [p'ást]	[k'ís't'] : [k'íst]
	(п яст' : п яст-ка;	кисть : к íст-очка)
s't' : z'd'	[grós't'] : [gróz'd']	
	(грóзд'ь : грóзд-ей)	
zd : z'd' : st	[zv'èzd] : [zv'èz'd'] : [zv'óst]	[bərʌzd] : [bərʌz'd'] : [bʌróst]
	(звезд-á : звезд-é : звéзд,	борозд-á : борозд-é : борóзд)
x : x' : š	[múx] : [múx'] : [múš]	[sʌx] : [sʌx'] : [sóš]
	(мúх-а : мúх-е : мúш-ка,	сох-á : сох-é : со́ш-ка)
c : č	[ʌfc] : [ʌv'èč]	[s'in'íc] : [s'in'íč]
	(овц-á : овéч-ка,	сини́ц-а : сини́ч-ка)

5. Как видно из приведенных выше рядов, качественные изменения алло-морфов в области гласных и согласных сводятся к следующим:

1. чередование фонемы с её аллофоном

e : ((é))	[r'èk'] : [r'èk]
	(рéк-и : рек-á)
e : ((è))	[r'èk'] : [r'èk]
	(рéк-и : за рек-у)
v' : ((f'))	[brón'] : [bróf']
	(брóв-и : бровь)
z : ((s))	[lʌʒ] : [lós]
	(лоз-á : лоз)

2. чередование фонем |o|, |e| и их аллофонов с синкопой¹⁵

o : ↑	[góləv] : [glAv]	(гóлов-у : глав-á)
((Λ)) : ↑	[gAlóf] : [glAv]	(гоλόв : глав-á)
((ə)) : ↑	[gəlAv] : [glAv]	(голов-á : глав-á)
e : ↑	[Av'éc] : [Afc]	(овéч-ка : овц-á)
((ə)) : ↑	[sáb'əl'] : [sábl']	(сáбель : сáбл-я)

3. чередование аллофонов, принадлежащих одной фонеме

((Λ)) : ((ə))	[nΛč] : [nəč]	(ноч-éй : за ночь)
((k)) : ((g'))	[dΛrók] : [dΛróg']	(дорóг : дорóг-е)

4. чередование фонем

e : o	[jél'] : [jól]	[pl'ét'] : [pl'ót]	(ель : ёл-ка, плеть : плёт-ка)
g : ž	[nAg] : [nóž]		(ног-á : нож-енька)
k : č	[ruk] : [rúč]		(рук-á : рúч-ка)

В результате насливания одного из этих типов субституции на другой образуются самые разнообразные комбинации фонем и аллофонов, создающие алломорфы корневых морфем имён существительных женского рода.

6. Интересно отметить, что алломорфы одной и той же морфемы могут различаться разным количеством элементов.

Разница одного элемента:

[·é··] : [·ó··] ¹⁶	(вeсн-á : вёсн-ы)
[··é··] : [··ó··]	(звезд-á : звёзд-ы)

Разница двух элементов:

[··sn] : [··s'n']	(вeсн-á : вeсн-é)
[···zd] : [···st]	(звёзд-ы : звёзд)

Разница трёх элементов:

[·és·] : [·ós'ə·]	(вeсн-á : вёсен)
[··ézd] : [··óst]	(звезд-á : звёзд)

¹⁵ Термин „синкопа” обозначает выпадение звука.

¹⁶ Точкой мы обозначаем неизменяющийся элемент корневой морфемы.

Разница четырёх элементов:

[·ə·ʌzd] : [·ʌ·óst] (борозд-á : борóзд)

(алломорфы этой морфемы могут различаться двумя и четырьмя элементами). Типичными для русского языка можно считать алломорфы, различающиеся одним и двумя элементами.

7. Не имея своей задачей дать полную картину видоизменяемости морфем имён существительных женского рода, мы лишь пытаемся обратить внимание на следующие пункты интересующего нас вопроса:

1. полное описание морфем не должно исключать их фонетических алломорфов,

2. при выделении алломорфов целесообразно учитывать их количественный состав и степень различия фонологического состава¹⁷.

8. Несмотря на ряд очень интересных и содержательных работ¹⁸, морфонологическая система русского языка далеко ещё не описана, позиции московской фонологической школы чётко не определены. Все нормативные пособия по описательной грамматике русского языка несправедливо игнорируют морфонологический уровень. Доказательством этого является полнейшее отсутствие в этих пособиях морфонологической интерпретации чередований фонем, не говоря уже о чередованиях аллофонов.

9. В *Грамматике русского языка* в разделе *Звуковой состав русского языка* мы читаем: „почти каждая морфема (корень, префикс, суффикс) встречается в русском языке в различных звуковых видоизменениях, в которых те или иные звуки соответствуют друг другу, иначе говоря-чередуются... Рассматривая все эти явления, можно заключить, что они на данной ступени развития русского языка представляют собой чередования двух типов. Одни из этих типов носит название фонетических чередований, другой-исторических чередований”¹⁹.

За этим следует определение фонетических и исторических чередований с тем, что о последних говорится: „поскольку все чередования этого типа связаны с теми или иными грамматическими формами слова, о них и будет говориться подробнее в соответственных главах раздела морфологии”²⁰.

Позволим себе комментировать эти положения. Уже говоря о звуковых видоизменениях морфем, мы констатируем что-то, что не является звуковым изменением фонем, то есть постулируем иной уровень, отличный от фонетического. Отнесение же исторических чередований в раздел морфологии под-

¹⁷ См. *Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка*, Изд-во „Наука”, Москва 1966, стр. 52.

¹⁸ См. указанные работы А. А. Реформатского, О. С. Ахмановой и статью Н. А. Еськовой *О некоторых морфонологических явлениях современного русского языка*. Топономастика и транскрипция, Изд-во „Наука”, Москва 1964.

¹⁹ *Грамматика русского языка*, т. I, Изд-во АН СССР Москва, 1960, стр. 82.

²⁰ Там же, стр. 85.

тверждает факт морфологического использования фонологических различий, что и является уровнем морфонематики²¹. Чередование фонем и аллофонов не представлено в этом учебнике в морфонологическом аспекте.

10. Подобное толкование видоизменяемости морфем мы находим в *Современном русском языке*, где в разделе *Словообразование* говорится лишь о том, что „выступая в качестве той или иной значимой части слова морфемы не представляют собой неизменяемые, раз навсегда данные единицы, а имеют различное звучание, иногда серьёзно отличающееся одно от другого ... Разное звучание одной и той же морфемы может иметь различные причины и в соответствии с этим различный характер. Чаще всего оно представляет собой простое фонетическое видоизменение этой морфемы в силу действующих в настоящее время фонетических законов”²². Из этих и следующих далее слов следует, что изучение фонетических алломорфов относится к фонетике. Это, по нашему мнению, является смешением фонологического и морфонематики уровней.

Фонетику могут интересовать алломорфы постольку, поскольку её касается фонема, которая может быть представлена аллофонами в алломорфах. Но когда нас интересует морфема и её трансформации, это уже уровень морфонематики. Что касается чередования фонем в алломорфах то (в пределах имени существительного) в этом учебнике ничего не сказано.

11. Исключительно неправильным кажется нам толкование чередований в одном из новейших учебников по русскому языку: „исторические чередования по своим функциям в современном языке неодинаковы. Особо важной является роль исторических чередований при формообразовании и словообразовании. Отсюда следует, что исторические чередования изучаются в грамматике и исторической фонетике”²³. Как справедливо указывает А. А. Реформатский, отнесение чередований в раздел фонетики является грубейшей ошибкой. То, что в этих явлениях ничего фонетического нет, прекрасно доказал в своё время Бодуэн де Куртене²⁴. Исторические чередования (традиционные альтернативы) были фонетически обусловлены в далёкий период развития русского языка. По этой причине многие авторы описательных грамматик неправильно относят эти чередования к исторической фонетике.

12. Только диахроническая трактовка чередований кажется нам односторонней²⁵. Являясь фактом современного состояния языка, чередования

²¹ См. О. С. Ахманова, *Фонология, морфонология, морфология*, стр. 52.

²² Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, *Современный русский язык*, т. I, Изд-во Моск. Унив., стр. 264.

²³ Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Цапукевич, *Современный русский язык*, Изд-во „Высшая школа”, Москва 1964, стр. 79.

²⁴ А. А. Реформатский, там же, стр. 100.

²⁵ Все описательные грамматики русского языка ограничиваются лишь сводкой чередований и их историческим комментарием.

должны найти синхронную интерпретацию. Это важно особенно потому, что некоторые из них являются продуктивными в современном языке, встречаются в явных новообразованиях²⁶. То, что чередования занимают своеобразное положение на границах фонетики и морфологии, должно быть причиной более внимательного подхода к ним. Рассмотрение чередований в разных разделах описательных грамматик свидетельствует о том, что они всё ещё являются, говоря словами А. А. Реформатского, „беспризорными” объектами в языке²⁷.

PRIMARY ALLOMORPHS OF NOUNS IN FEMININE GENDER
IN PRESENT DAY RUSSIAN

by
DIANA WIECZOREK

Summary

The aim of the article is to present the fundamental qualitative and quantitative changes undergone by primary morphemes of nouns in feminine gender on the paradigmatic and derivational axes. A strictly phonological investigation consists in preparing an inventory of the phonemes of the given language and systemising them. The phonological level should not be confused with the morphological one whose substance is allomorph. Isomorphism which can be established between the phonological and the morphological levels may be the reason why some linguists do not differentiate the two levels. The morpheme is a linguistic phenomenon of a higher rank than the phoneme and it has more possibilities to form variants. Allomorphs are formed either by replacing one phoneme by another or by changing allophones. The number primary of allomorphs of Russian nouns in feminine gender differs from 1 to 10. Morphemes of two and three primary forms are considered typical for the Russian language. The author did not aim at great precision in the description of primary allomorphy, but rather wished to point out the fact that it is often included in historical phonetics and does not have synchronic interpretation in descriptive grammars.

²⁶ См. А. Н. Гвоздев, *Современный русский литературный язык*, Изд-во Министерства просвещения РСФСР, Москва 1958, стр. 48.

²⁷ А. А. Реформатский, там же, стр. 109.